

реписки с Ферзеном и его дневника. Но за три года с 1789 г. накопилось столько фактов, подтверждавших измену; у роялистов и у королевы за это время вырвалось столько признаний и Людовик XVI совершил со времени вареннского бегства столько поступков, хотя и амнистированных конституцией 1791 г., но тем не менее служивших объяснением позднейших его действий, что *нравственная уверенность* в измене была у всех. В сущности, *факт* измены не оспаривался никем даже среди тех, кто пытался спасти Людовика XVI. Не сомневался в этом и парижский народ.

И действительно, измена началась с того письма, которое Людовик XVI написал австрийскому императору в тот самый день в сентябре 1791 г., когда он при восторженных овациях парижской буржуазии присягал на верность конституции. Затем началась переписка Марии-Антуанеты с ее другом Ферзеном, которая велась с полного ведома короля. Оба изменника - королева и король - призывали из своего тюильрийского дворца иноземное нашествие; они подготавливали его, указывали ему пути, сообщали неприятелю о военных силах Франции и о военных планах ее генералов. Своей тонкой и умелой рукой Мария-Антуанета подготавливала победоносное вступление немецких союзников в Париж и массовое истребление революционеров. Народ хорошо понял эту женщину, которую он называл просто «Медичи» и которую историки хотят представить нам теперь как бедное, легкомысленное существо¹.

Итак, с *точки зрения законности* Конвент нельзя упрекнуть ни в чем. Что же касается того, не принесла ли казнь короля больше вреда, чем могло принести его присутствие среди немецкого или английского войска, то здесь приходится сказать только одно:

До тех пор пока имущие классы и духовенство будут смотреть на королевскую власть (а они так смотрят на нее и теперь), как на лучшее средство обуздания тех, что хочет отнять имущества у богатых и ослабить духовенство, до тех пор вокруг короля, будь он мертвый или живой, в тюрьме или на свободе, будь он обезглавлен и возведен в святые или живи он как странствующий рыцарь среди других королей, вокруг него всегда будет создаваться трогательная легенда, которую будут поддерживать духовенство и все заинтересованные лица.

Напротив того, посылая Людовика XVI на эшафот, революция имела в виду убить самый принцип королевской власти, первый удар которому был нанесен крестьянами в Варенне. Так отнеслась к казни короля значительная часть Франции. 21 января 1793 г. революционная часть французского народа отлично поняла, что центр и оплот той силы, которая в течение веков угнетала и эксплуатировала массы, уничтожен. Начиналось теперь разрушение могущественной организации, давившей народ; свод, на который она опиралась, надтреснут; народная революция с новой силой могла двинуться вперед.

С этого времени наследственная, легитимистская монархия никогда уже не могла быть восстановлена во Франции, даже при помощи европейской коалиции, даже опираясь на ужасный белый террор времен Реставрации (1815–1830). Не утвердились также ни монархия Орлеанского дома, родившаяся на баррикадах в 1830 г., ни империя, созданная государственным переворотом Наполеона III в 1851 г. Не удалось восстановить монархию и после Коммуны 1871 г. Вера в монархию убита во Франции.

А между тем жирондисты делали все возможное, чтобы помешать осуждению Людовика XVI. Они прибегали ко всяким законническим доводам и к парламентским хитростям. Были даже моменты,

¹ Друг Марии-Антуанетт — граф Ферзен записал, между прочим, в своем интимном дневнике, какую судьбу готовили заговорщики для французских патриотов 7 сентября 1792 г.; он писал следующее: «Видел прусского уполномоченного — барона Века; хорошо говорит о французских делах. Он громко порицает... что в городах, через которые пришлось проходить, не истребляли якобинцев и вообще были слишком снисходительны». Ферзе отмечает еще такое мнение одного из заговорщиков: «Обедал у графа де Мерси. Он сказал мне, что нужно пустить в ход большую строгость и что это единственное средство, что *Париж нужно поджечь со всех четырех сторон*». 11 сентября Ферзен писал барону Бретейлю, что, так как завоеванные части Франции уступают только силе, «в таком случае снисхождение кажется мне в высшей степени опасным. *Теперь настал момент уничтожения якобинцев*». Самым лучшим средством кажется ему расстреливать их вожаков повсюду по пути. «Нечего рассчитывать, что их можно убедить кротостью: нужно их истребить, и теперь самое время». Бретеньль отвечал Ферзену: «Я не преминул указать герцогу Брауншвейгскому на необходимость крайней строгости». Но герцог, писал он, слишком мягок. «Это расчет очень для нас неподходящий, который поставит нас в большое затруднение». Прусский король казался им покладистее. «Город Варенн, например (где арестовали Людовика XVI), должен подвергнуться каре на днях». Вот что ожидало завоеванные города, особенно Париж. См.: Le comte de Fersen et la cour de France. Extraits des papiers..., public par son petit-neveu, le baron R. M. de Klinckow-strom, v. 1–2 Paris, 1877–1878, v. 2, p. 360 et suiv.